

Ludmiła ŁUCEWICZ

Uniwersitet Warszawski

l.lutevici@uw.edu.pl

ИСПОВЕДЬ СТАВРОГИНА: ТЕКСТ И КОНТЕКСТ

ABSTRACT Stavrogin's Confession: text and contexts

The paper attempts to examine Stavrogin's confession in the context of biblical and literary traditions. Both the structure based on plots and the character of the narrative are a testament to the literary nature of the text. A profound meaning of the religious confession determined not only by repentance, but also by intention is implicit in the text so that homo confitens would "alter his mind". The analysis shows that, when Stavrogin "crossed the border" of his self-acceptance saturated with hubris, he was no longer afraid of crime or punishment. Hence, he was incapable of expressing Christian remorse. As a result, the so-called Stavrogin's confession was merely a lofty declaration in which he confessed to being involved in the "case of Matriosha", so, in other words, it was a sort of hypocritical repentance.

Ключевые слова: Достоевский, *Бесы*, Ставрогин, исповедь, литература, религия

Key-words: Dostoevsky, *Demons*, Stavrogin, confession, literature, religion

Из творческой истории *Бесов* известно, что первоначально образ Князя¹ мыслился автором как периферийный и лишь к лету 1870 г. выдвинулся на первый план. Как указывают Нина Буданова и Тамара Орнатская, именно в это время

¹ Фамилия Князя – Ставрогин – образована от греческого слова stavros, что в переводе означает *крест*. Существуют две интерпретационные версии: 1) герой несет свой крест; 2) у него высокое предназначение.

писатель и принял решение ввести в текст *главу о неудавшемся покаянии Ставрогина у Тихона, сделав ее сюжетно-композиционным и идейно-философским центром романа*². Особое значение главы подчеркивалось неоднократно. Аркадий Долинин назвал ее *кульминационной вершиной всего романа*³. Константин Мочульский считал ее кульминационной точкой романа и кульминацией трагедии самого Ставрогина⁴. Владимир Захаров убеждал в том, что глава *У Тихона* настолько значима, что *Бесы* следует издавать как два разных романа [...] в журнальной и книжной редакции, поскольку каждый из романов обладает и своей композицией, и разной концепцией героя⁵.

В свое время эта глава была, как известно, отвергнута редакцией катковского „Русского вестника”, где печатался роман. Препятствием для публикации послужил эпизод растления малолетней девочки. Николай Страхов в письме Толстому от 28 ноября 1883 г. вспоминал: [...] *одну сцену из Ставрогина (растление и пр.) Катков не хотел печатать*⁶. Поначалу Достоевский пытался отстоять главу, затем согласился с требованием Михаила Каткова (с которым был связан материальными обязательствами) и в дальнейшем не предпринимал попыток введения ее в роман. Рукописи главы *У Тихона* хранились у Анны Достоевской, незадолго до смерти, в 1918 г., она передала их в Центрархив. Первая редакция, а также незавершенный список этой главы были опубликованы в 1922 г. С тех пор и до наших дней, несмотря на многочисленные и разнообразные подходы и интерпретации (Леонид Гроссман⁷, Константин Мочульский⁸, Михаил Бахтин⁹, Олег Осмоловский¹⁰, Гурий Щенников¹¹, Игорь

² Орнатская Т.И., Буданова Н.Ф. Комментарии // Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений в 30 т. / ред. Базанов В.Г. Т. 12. Ленинград, 1975. С. 186. Далее сноски даются на это издание с указанием номера страницы в тексте в скобках.

³ Долинин А.С. Исповедь Ставрогина (в связи с композицией Бесов) // „Литературная мысль”. 1922, Вып. 1. С. 147.

⁴ Мочульский К.В. Достоевский. Жизнь и творчество. Париж, 1947. С. 345, 357.

⁵ Захаров В.Н. Бесы. Опыт реконструкции журнальной редакции романа // Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений. Т. 9. Приложение. Бесы. Роман. Опыт реконструкции журнальной редакции. Текстологическое исследование, комментарии / ред. Захаров В.Н. Петрозаводск, 2010. С. 706.

⁶ Толстовский музей. Переписка А.Н. Толстого с Н.Н. Страховым. 1870-1894. Т. 2. Санкт-Петербург, 1914. С. 308.

⁷ Гроссман А.П. Библиотека Достоевского. По неизданным материалам, с приложением каталога библиотеки Достоевского. Одесса, 1919. С. 79-82; он же. Стилистика Ставрогина. К изучению новой главы „Бесов” // Ф.М. Достоевский. Статьи и материалы / ред. Долинин А.С. Ленинград-Москва, 1924. Сб. 2. С. 138-152.

⁸ Мочульский К.В. Достоевский... С. 345-352.

⁹ Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. Москва, 1979. С. 283-287.

¹⁰ Осмоловский О.Н. Достоевский и русский психологический роман. Кишинев, 1981. С. 27-43.

¹¹ Щенников Г.К. „Журнал Печорина” и „Исповедь” Ставрогина: анализ деструкции личности // „Известия Уральского государственного университета. Гуманитарные науки”. 2001, Вып. 3, № 17. С. 154-162.

Виноградов¹², мн. др.), глава в целом и т.н. *исповедь* Ставрогина в частности вызывают интерес исследователей¹³.

Структурно исповедь является второй частью трехчастной главы *У Тихона*, где первая часть включает беседу Ставрогина и архиерея до чтения „листков”; третья – обсуждение „документа” и попытки старца отговорить героя от публикации. Самая же исповедь находится в центре главы, „разговоры” Тихона и Ставрогина обрамляют ее.

В христианском толковании исповедь означает покаяние. Современный русский философ Михаил Уваров обратил внимание на то, что в русской энциклопедической литературе может не встретиться слово *исповедь*, но обязательно присутствует слово *покаяние*. Ученый объяснил это тем, что *в христианской традиции идея исповеди находится в [...] „подчиненном” положении по отношению к таинству покаяния. [...] Слово исповеди – как проявленный внутренний духовный опыт – может осуществляться в молчании. Каяться в молчании нельзя: покаяние – это вербальный акт (рас)каяния, по сути своей публичного, произнесенного покаянного слова, ведущий свое начало из духовной практики IV века. Именно так понимали покаяние и ведущие русские художники XIX столетия (А.Н. Островский, Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой)*¹⁴.

Мне хотелось бы обратить внимание на то, что покаяние – эта важнейшая составляющая исповеди, хотя и не исчерпывающая ее полностью. В святоотеческой литературе (см. Ефрем Сирийский (306-373) *О покаянии*; Иоанн Лествичник (525-602) *О покаянии*) подчеркивалось, что кающийся человек должен осознавать необходимость очищения, переустройства, перемены¹⁵. Значит, суть религиозного исповедания определяется не только покаянием, но и обязательной интенцией на „перемену ума” (греческое слово *метанойя*, переведенное на русский язык как *покаяние*, дословно означает *перемена ума*). *Перемена ума* предполагает иной образ жизни: отказ от дальнейшей греховности, *завет с Богом об исправлении жизни, [...] совершение благих дел, противных прежним грехам*¹⁶; *перемена ума*, таким образом,

¹² Виноградов И.И. Духовные искания русской литературы. Москва, 2005. С. 246-250.

¹³ См.: Криницкий А.Б. Формы исповеди в романах Ф.М. Достоевского. Автореферат. Москва, 1995; Przybylski R., Janion M. Sprawa Stawrogina / *послесловие Komendant T.* Warszawa, 1996.

¹⁴ Уваров М.С. Архитектоника исповедального слова. Санкт-Петербург, 1998. С. 21.

¹⁵ См.: Когда согрешишь, не жди обвинения от другого, но прежде нежели обличен и оговорен, сам себя обвини в сделанном; приступи к исповеди и не стыдись. Когда делал постыдное для себя, ты не стыдился; ужели же устыдишься теперь слов, оправдывающих тебя? Говори здесь, чтобы и против воли не сказать там. Исповедь во грехах служит к уничтожению прегрешений. Бог хочет услышать от нас грехи наши не потому, что не знает их, напротив того, Ему угодно, чтобы мы чрез исповедь пришли в сознание своих грехопадений. Не чего-либо тяжелого и трудного требует от нас Бог, но крушения сердца, умиления помыслов, признания в грехопадении, неутомимого и усильного припадания к Богу, наконец того, чтобы после исповеди просили мы себе прощение, в чем согрешили, и тщательно остерегались сего в последующее время – Сирийский Е. Творения в 8 т. Т. 3. Москва, 1994. <http://nova.rambler.ru/saved?lang=ru&fmode=inject&tld=ru&cla=1423354624&text>.

¹⁶ Лествичник И. О покаянии // Добротолюбие. Москва, 2001. С. 210.

призвана способствовать рождению нового человека (эти установки обязательны в исповеди хотя бы теоретически).

Став явлением литературным, исповедь унаследовала христианскую традицию, где важными составляющими являются 1) покаянное „самоосуждение” (Иоанн Лествичник) в грехах, порках, безнравственных поступках; 2) смиренные обращения к Богу; 3) искренние благодарения Бога за наставление на путь истинный (Августин Блаженный: *Исповедь*, 397-398, рус. пер. 1787). С течением времени исповедь приобретала и иные черты, в частности, благодаря тому, что повествователь наделялся особым эмоционально-волевым комплексом, амбивалентно совмещающим в себе мессианскую гордыню и смирение (Жан-Жак Руссо: *Исповедь*, 1782-1789, рус. пер. 1797). Несмотря на то, что исповедь христианская и исповедь литературная реализуются в разных жизненных планах, имеют разные цели, в конечном итоге они призваны выполнить одну задачу: *homo confitens*, пережив катарсис самопризнания, получает возможность *целостного бытия под Божьим небом и на Божьей земле*¹⁷.

В русской литературе исповедь как жанр распространилась в начале XIX в. Первым опытом стала повесть Николая Карамзина *Моя исповедь* (1804). Исповедальность охотно использовалась и романтиками, и реалистами (Петр Вяземский, Александр Пушкин, Михаил Лермонтов, Апполон Майков, Иван Тургенев, Александр Герцен, Апполон Григорьев, Лев Толстой, Федор Достоевский, др.). Она давала уникальную возможность с максимальной откровенностью представить внутренний мир героев. С конца XVIII в. распространилась и исповедь аутентичная (Денис Фонвизин: *Чистосердечное признание в делах моих и помышлениях*; Николай Гоголь: *Авторская исповедь*; Михаил Бакунин: *Исповедь*; Николай Огарев: *Моя исповедь*; Константин Леонтьев: *Моя исповедь*; Лев Толстой: *Исповедь*, др.)

В своем докладе я обращаю внимание на некоторые элементы ставрогинской исповеди в контексте указанной евангельской традиции и некоторых литературоведческих и философских суждений.

Так, один из наиболее авторитетных исследователей творчества Достоевского Леонид П. Гроссман еще в 1919 г. выделил ряд признаков, характерных для жанра литературной исповеди: *В центре композиции стоит рассказ о тайном преступлении – это главный узел всей повествовательной системы. История греха, тяжелых душевных блужданий и тайных пороков – вот основная тема, намечающая развитие всей экспозиции. Сюжет как таковой может отсутствовать, цепь эпизодов нанизывается на некоторую моральную, философскую или психологическую тему исправления, нравственного возрождения, усыпления или же очищения совести и искупления греха страданием. Таков тип литературного вида, оказавшийся в знаменитой книге блаженного Августина, в автобиографии Жан-Жака-Руссо, в Исповеди англичанина, принимавшего опиум*¹⁸.

¹⁷ Исупов К. Исповедь // Идеи в России. Ideas in Russia. Idee w Rosji. Leksykon rosyjsko-polsko-angielski / ред. de Lazari A. T. 2. Łódź, 1999. С. 190.

¹⁸ Гроссман Л.П. Библиотека... С. 146.

Значит, согласно Гроссману, в литературной исповеди существенны: 1) рассказ о тайном преступлении; 2) история греха, тяжелых душевных блужданий и тайных пороков; 3) цепь эпизодов, нанизанная на тему искупления греха страданием.

Обращаясь к Ставрогину, напомним, что он изложил свою исповедь письменно: на *трех листочках* [...] *обыкновенной почтовой бумаги малого формата, дав заглавие – От Ставрогина* (с. 12). Рассказ о своем „тайном преступлении” он расположил в центре повествования. Однако, первое же предложение напоминает скорее некий информативный официальный документ (свидетельское показание, признание), нежели исповедальный текст: *Я, Николай Ставрогин, отставной офицер, в 186 – году жил в Петербурге, предаваясь разврату, в котором не находил удовольствия* (с. 12).

Здесь и далее Ставрогин-повествователь выступает скорее в функции *homo analitics*, нежели *homo confitens*. Именно подробно и аналитически он описывает свой *разврат*. В экспозиции – сообщает о своем образе жизни в Петербурге, где он снимал три квартиры, в одной жил сам с будущей женой Марьей Лебядкиной, а две другие содержал „для интриги”: *в одной принимал одну любившую меня даму, а в другой ее горничную и некоторое время был очень занят намерением свести их обеих так, чтобы барыня и девка у меня встретились при моих приятелях и при муже. Зная оба характера, ожидал себе от этой глупой шутки большого удовольствия* (с. 13).

Ставрогинский разврат, как видно приведенной из цитаты, соотносится с грехом прелюбодеяния, входящим, как известно, в состав семи смертных грехов¹⁹. Но, кроме того, и это главное! – герой обуян безмерной *гордыней* – грехом, который трактуется в кн. Св. Писания как первый и самый страшный грех (отречение от Бога). Ставрогин мыслит себя неким сверхсуществом – то ли демоном, то ли человекобогом, присвоившим себе право манипулировать людьми, как марионетками, а также красть, лгать, лжесвидетельствовать, насиловать, убивать, проч. При этом он неоднократно подчеркивает, что сознание никогда не покидало его, в любой момент своей жизни он контролировал себя, мог подавить любое желание: *никогда [...] чувство не покоряло меня всего совершенно, а всегда оставалось сознание, самое полное (да на сознании-то всё и основывалось!). И хотя овладевало мною до безрассудства, но никогда до забвения себя. Доходя во мне до совершенного огня, я в то же время мог совсем одолеть его, даже остановить в верхней точке; только сам никогда не хотел останавливать. Я убежден, что мог бы прожить целую жизнь как монах, несмотря на звериное сладострастие, которым одарен и которое всегда вызывал. Предаваясь до шестнадцати лет, с необыкновенною неумеренностью, пороку, в котором исповедовался Жан-Жак Руссо, я прекратил в ту же минуту, как положил захотеть, на семнадцатом году. Я всегда господин себе, когда захочу. Итак, пусть известно, что я ни средой, ни болезнями безответственности в преступлениях моих искать не хочу* (с. 14).

¹⁹ Православная святоотеческая традиция включает в список смертных грехов *восемь* греховных страстей: чреуоудие, прелюбодеяние, сребролюбие, гнев, печаль, уныние, тщеславие, гордыню.

Мог взять верх над любым чувством, мог остановиться в момент его наивысшего напряжения; но сам никогда не желал этого. Зато всегда готов был следовать всякой прихоти, как объясняет сам, от скуки и равнодушия (*я хотел убить себя от болезни равнодушия* (с. 15); *скоро наскучило* (с. 16); *мне уже надоело* (с. 17); *Мне и вообще тогда очень скучно было жить, до одури* (с. 20); *мне всегда было скучно припоминать прошлое* (с. 21)). Ставрогин искал все новых и новых ощущений, совершенно сознательно отвергая законы Божьи и человеческие (*на сознании-то всё и основывалось!*), причем, чем безобразнее была прихоть, тем более для него притягательна: *Всякое чрезвычайно позорное, без меры унижительное, подлое [...] всегда возбуждало во мне, рядом с безмерным гневом, неимоверное наслаждение* (с. 14). Рассказывая о своем „тайном преступлении” над малолетней Матрешей, Ставрогин, выступая в роли повествователя, использует не столько принцип „нанизывания эпизодов” (Л. Гроссман), сколько последовательное, сюжетное выстраивание „истории греха”, где каждый сюжетный компонент завершается тем или иным родом насилия. Выделим эти компоненты:

1. Ставрогин случайно обронил перочинный ножик (нож вскоре нашелся) – подозрение в краже пало на безропотную Матрешу, хозяйка тут же прутьями до рубцов высекла девочку. Ставрогину хотелось этой экзекуции, этого насилия. *Завязка.*
2. Затем следует экстенсивное *развитие действия*: кража, алкоголь, разгул, бесчинства.
3. Через три дня, оставшись наедине с девочкой, Ставрогин совратил Матрешу. *Кульминация.*
4. Ему стало известно, что Матреша заболела, в бреду твердила – *Я Бога убила. Подготовка к развязке.*
5. Ставрогин вновь появился в комнате на Гороховой. Матреша в полном отчаянии пригрозила ему кулачком, затем бросилась в чулан: девочка повесилась. *Развязка.*
6. В 11 вечера пришло известие, что Матреша повесилась. Ставрогин вернулся на Гороховую. Дал показания полиции. Никто ничего не узнал. *Эпилог.*

Как видно, рассказ о „тайном преступлении” сюжетно организован, т.е. здесь присутствует та самая „красивость слога”, которая так покорила Тихона. Литературность выразилась непосредственно в характере структурирования текста *homo confitens*.

Обращает на себя внимание тот факт, что поведение Ставрогина напоминает поведение охотника, планомерно и неуклонно заманивающего свою жертву в капкан (*я выждал два дня* (с. 14); *надо было выждать, чтобы девочка все забыла* (с. 15); *я ждал и просидел целый час* (с. 18); *недоставало трех минут; я их высидел* (с. 19)). При этом Ставрогин-повествователь как бы вживается в образ девочки, кропотливо наблюдает за ее поведением, истолковывает ее внутреннее состояние: *Девочка, поплавав, стала еще молчаливее, на меня же, я убежден, не имела злобного чувства. Впрочем, наверно, был некоторый стыд за то, что ее наказали в таком виде при мне, она не кричала, а только всхлипывала под ударами, конечно*

потому, что тут стоял я и всё видел. Но и в стыде этом она, как ребенок, винила, наверно, одну себя [...] (с. 14-15).

После совращения Матрешы Ставрогин объясняет глубину отчаяния, охватившего девочку: *все случившееся должно было ей представиться [...] как беспредельное безобразие, со смертным ужасом*; Матреша должна была ужаснуться тому, что *она сделала неимоверное преступление и в нем смертельно виновата, – „бога убила” (с. 16).*

Рассказ о „деле Матрешы” (судебная терминология) перемежается описаниями или упоминаниями о других не менее безобразных преступлениях и пороках: краже у бедного чиновника портмоне с жалованием; драке в кабаке; игре в карты; свидании с горничной Ниной Савельевной. Но более всего повествователь сосредоточивается на „бесчувственном” (как скажет Тихон) описании собственных ощущений. При этом Ставрогин опять-таки подчеркивает свою способность хладнокровно владеть собой.

Однако выясняется, что герою-волюнтаристу в определенный момент не все стало подвластно – и он испытал настоящий страх, доходящий до пароксизма (с. 16).

Страх появился у Ставрогина сразу после растления Матрешы: *я преодолел внезапное чувство моего страха и остался (с. 16); Первая мысль по пробуждении была о том: сказала она или нет; это была минута настоящего страха (с. 16-17); к вечеру я опять почувствовал страх, но уже несравненно сильнее... Мне мерещилась каторга. Я никогда не чувствовал страху... ни прежде, ни после ничего не боялся. [...] Но в этот раз я был испуган и действительно чувствовал страх, не знаю почему, в первый раз в жизни, – ощущение очень мучительное (с. 17); под утро стал наступать жар, меня опять одолел страх, но уже такой сильный, что я никакого мучения не знал сильней (с. 17).* Этот свой страх сам Ставрогин называет *низкой трусостью* (с. 20).

Хотя дело тут не только в трусости. Страх в христианском понимании нередко связан не столько с осознанием, сколько с внутренним чувством греховности; страх – предвещение просыпающейся совести (а совесть, согласно св. отцам, – *Бог в душе человека*). Исаак Сирин: *Страх вводит нас в корабль покаяния...*²⁰

Ставрогин пережил пароксизмы страха, но не дал ходу движениям совести, ведущим к покаянию. Он постоянно переключал свое внимание на какие-то внешние события, не позволяя себе рефлексировать. Становясь перед выбором (продолжать путь преступника или прервать, сойти с него), он намеренно избирал первый путь, опускаясь все глубже в пучину мерзостного греха. После „происшествия в Гороховой” (еще одно определение преступления), он вскоре, как ему казалось, все забыл и только время от времени испытывал *злобу за низкую трусость* (с. 20). Но процесс пробуждения совести (Божий дар человеку), не зависящий от воли героя, подспудно шел. Временами появлялись его знаки. Один из таких

²⁰ Покаяние // Добротолюбие избранное для мирян. Москва, 2001. <http://www.psylib.ukrweb.net/books/dobrmir/txt06.htm>.

знаков – как бы произвольно возникший *самосуд*: потребность „искалечить как-нибудь жизнь, но только как можно противнее” (с. 20): „помышлял застрелиться”, но придумал нечто еще более „безобразное” – женился на „последнем существе” – хромой „восторженной идиотке”, юродивой Марии Лебядкиной.

Ставрогин метался по миру – побывал на Афоне, в Египте, в Швейцарии, Исландии, Германии. Во Франкфурте в лавке он заметил карточку девочки, похожей на Матрешу. Еще один знак. А спустя некоторое время (третий знак) увидел фантастический сон – *Золотой век*, где жили прекрасные люди, счастливые и невинные, их великий избыток непочатых сил уходил в любовь и простодушную радость (с. 21) – это и есть идеальное предназначение человека (у Ставрогина, – как скажет Тихон, – великая праздная сила ушла нарочито в мерзость (с. 25)). К концу сна появилось видение (никогда ничего не являлось мне столь мучительным (с. 22): Матреша стояла на пороге, со своим поднятым и грозящим мне кулачком... (с. 22)). Далее последовала единственная реплика, непосредственно соотносящаяся с исповедью, – *Это ли называется угрызением совести или раскаянием?* (с. 22). Герой впервые почувствовал себя бессильным и безвольным.

По наблюдениям философа Галины Худяковой, существуют два уровня исповедальности – раскаяние и покаяние, при этом само слово *раскаяние* несет в себе более узкое значение, чем *покаяние*; в раскаянии, считает исследовательница, нет еще отречения человека от себя прежнего, он раскаивается лишь в отдельном поступке. Высшим уровнем исповедального поступка является покаяние²¹. Кроме того, раскаяние – само по себе не всегда ведет к добру: оно может закончиться духовным возрождением человека (если перейдет в покаяние), а может быть истолковано самим кающимся впоследствии как слабость, озлобить и привести к еще большему греху, например, к самоубийству, как то произойдет со Ставрогиным.

Тихон, прочитав исповедь, ощутил эту вероятность страшного исхода. Старец попытался деликатно вразумить Ставрогина, говоря ему, что намерение опубликовать „документ” – удивительный подвиг... если б это действительно было покаяние и действительно христианская мысль (с. 24). Тихон проницательно заметил, что Ставрогина не страшат ни само преступление, ни признание в содеянном, он стыдится именно христианского покаяния²². *Рукопись* Ставрогина – это признание, но не покаяние, по словам Тихона, – *горделивый вызов от виноватого к судье* (с. 24).

Безумная гордыня обусловит в конечном итоге и максимально жесткое наказание героя – самоубийство. В богословской литературе самоубийство трактуется как бунт против Бога, – грех, который никогда не может быть прощен.

²¹ Худякова Г.П. Уровни исповедальности: раскаяние и покаяние // Метафизика исповеди. Пространство и время исповедального слова. Материалы международной конференции (Санкт-Петербург, 26-27 мая 1997 г.). Санкт-Петербург, 1997. С. 23-24.

²² Мочульский называет покаяние Ставрогина „живым” в: Мочульский К.В. Достоевский... С. 357.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. Москва, 1979.
- Виноградов И.И. Духовные искания русской литературы. Москва, 2005.
- Гроссман А.П. Библиотека Достоевского. По неизданным материалам, с приложением каталога библиотеки Достоевского. Одесса, 1919.
- Гроссман А.П. Стилистика Ставрогина. К изучению новой главы „Бесов” // *Достоевский Ф.М. Статьи и материалы* / ред. Долинин А.С. Ленинград–Москва, 1924. Сб. 2.
- Долинин А.С. Исповедь Ставрогина (в связи с композицией Бесов) // „Литературная мысль”. 1922, Вып. 1.
- Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений в 30 т. / ред. Базанов В.Г. Т. 12. Ленинград, 1975.
- Сирин Е. Творения в 8 т. Т. 3. Москва, 1994. <http://nova.rambler.ru/saved?lang=ru&fmode=inject&tld=ru&la=1423354624&text>.
- Захаров В.Н. Бесы. Опыт реконструкции журнальной редакции романа // *Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений. Т. 9. Приложение. Бесы. Роман. Опыт реконструкции журнальной редакции. Текстологическое исследование, комментарии* / ред. Захаров В.Н. Петрозаводск, 2010.
- Исупов К. Исповедь // Идеи в России. Ideas in Russia. Idee w Rosji. Leksykon rosyjsko-polsko-angielski / ред. de Lazari A. Т. 2. Łódź, 1999.
- Криницын А.Б. Формы исповеди в романах Ф.М. Достоевского. Автореферат. Москва, 1995.
- Мочульский К.В. Достоевский. Жизнь и творчество. Париж, 1947.
- Орнатская Т.И., Буданова Н.Ф. Комментарии // *Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений в 30 т.* / ред. Базанов В.Г. Т. 12. Ленинград, 1975.
- Осмоловский О.Н. Достоевский и русский психологический роман. Кишинев, 1981.
- Покаяние // Добротолюбие избранное для мирян. Москва, 2001. <http://www.psylib.ukrweb.net/books/dobrmir/txt06.htm>.
- Przybylski R., Janion M. Sprawa Stawrogina / *послесловие Komendant T.* Warszawa, 1996 (Stanowiska, Interpretacje. Т. 2).
- Толстовский музей. Переписка Л.Н. Толстого с Н.Н. Страховым. 1870-1894. Т. 2. Санкт-Петербург, 1914.
- Уваров М.С. Архитектоника исповедального слова. Санкт-Петербург, 1998.
- Худякова Г.П. Уровни исповедальности: раскаяние и покаяние // Метафизика исповеди. Пространство и время исповедального слова. Материалы международной конференции (Санкт-Петербург, 26-27 мая 1997 г.). Санкт-Петербург, 1997.
- Щенников Г.К. „Журнал Печорина” и „Исповедь” Ставрогина: анализ деструкции личности // „Известия Уральского государственного университета. Гуманитарные науки”. 2001, Вып. 3, № 17.

Проф. Людмила ЛУЦЕВИЧ – профессор, доктор филологических наук, руководитель кафедры восточноевропейской культурологии факультета прикладной лингвистики Варшавского университета. Автор семи монографий, двух учебников, более 200 научных работ. Сфера научных интересов – история русской литературы XVIII-XXI вв. В частности: связь между русской литературой и философией, сакрум в русской литературе, Псалтирь как источника поэтического вдохновения, автобиографическая проза, культурная антропология.